

Алексей Волегов

Творчество Д.С. Мережковского в «китайском мире» (Япония, Китай, Тайвань): подступы к теме

Личность и творчество Д.С. Мережковского можно вписать сразу в несколько исторических ряды: русскую литературу, философию, и даже политику. В СССР стремились к тому, чтобы его творчество было забыто. Первые академические статьи и монографии о Мережковском появились в 1940–1970-х гг. на английском и немецком (а в порядке исключения – на сербохорватском, чешском и польском) языках; их авторами были Вацлав Ледницки, Марион Грас, Хайнрих Штаммлер, Уте Шпенглер, Чарльз Гарольд Бедфорд, Бернис Глатцер Розенталь и др.¹

«Возвращение» и всестороннее научное освоение творческого наследия одного из основоположников русского символизма началось в постперестроечную эпоху, когда и для отечественных исследователей стало возможным работать над изучением его многогранной деятельности.

«Китайский мир» – русское соответствие англоязычных понятий Sinic World, Sinosphere, получивших распространение в макроистории, культурологии и социальных науках в последние десятилетия. Центром «синосферы» считается Китай, а точнее «разные Китаи», возникавшие на протяжении веков, «перифериями» же – страны, именуемые ныне Япония, Корея и Вьетнам². Мы обратимся к рецепции творчества Мережковского в срединной части этого мира, учитывая особую роль в нем одной из его периферий, Японии, в конце XIX – первой половине XX в.

Художественное творчество Мережковского при всей своей сложности и неоднозначности отражает закономерную и свойственную европейской и русской традиции стадийность литературного процесса. Его путь к символизму стал явлением одной из так называемых «пресистем», комплекса явлений переходного периода становления (в данном случае) русского символизма как «системы»³. Предсимволизм, ранний символизм, декаданс (как репрезентирующие такой переходный период явления) формируют особый дискурс, отражающий и эпоху, и вечные вопросы, встающие перед каждой личностью: человек и его предназначение и возможности не только в общественном, но и онтологическом масштабе.

Психологическая подоплека этого дискурса – это то, что Аврил Пайман называет «новым видом ностальгии» – «тоской» «по далекому будущему, которому суждено возникнуть после

¹ См.: Холиков, Алексей. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. Москва; Санкт-Петербург, Нестор-История, 2014, с. 275-329 (в особенности с. 325-326).

² Fogel, Joshua A. *Articulating the Sinosphere: Sino-Japanese Relations in Space and Time*. Cambridge (Mass.) and London: Harvard UP, 2001, p. 4. – Фогель завершает свое исследование концом XIX в. мыслью о том, что Японо-китайская война 1894 г. положила конец Sinosphere (там же, с. 6). Но это не означает, что «китайский мир» не является реальностью и в XX в., несмотря на национализм и вестернизацию (например, усвоение латинского алфавита в Вьетнаме). Работа, предшествующая книге Фогеля и пользующаяся синонимом понятия Sinosphere – Sinic World (Reischauer, Edwin O. *The Sinic World in Perspective* // *Foreign Affairs*, Vol. 52, No 2 (Jan. 1974), p. 341-348, особенно с. 347-348), рассматривает этот мир как актуальную реальность, в которой активная роль, по крайней мере к 1970-м гг., принадлежала одной из периферий, Японии: «Понятие общности народов Восточной Азии обладает значительной привлекательностью только для японцев. В своих опасениях стратегического и культурного подчинения Западу, они не раз приходили к идеям о модернизированной, но сохранившей духовную чистоту Японии, встающей во главе Азии в ходе духовного и стратегического возрождения против выродившегося и порочащего Запада. Обычно идея выражалась в пан-азиатских терминах, но в самом деле японцы относятся с ненавистью к корейцам, а вьетнамцы и более отдаленные азиатские народы им малоинтересны, и по большей части имеют в виду только китайцев в этих своих пан-азиатских теориях» (там же, с. 345; перевод с английского здесь и везде в рамках статьи – Й. Люцканова). В работе 1997 г. Фогель пользуется понятием Sinic World и не исключает, равно как и редакторы соответствующего коллективного труда, из охвата его валидности век XX-й (Fogel, Joshua A. *The Sinic World* // *Asia in Western and Global History: A Guide for Teaching* / Ed. Ainslie T. Embree, Carol Gluck. Armonk – New York – London: M. E. Sharpe, 1997, p. 683-689; см. и аннотацию на с. 887).

³ Минц, Зара. «Новые романтики» (К проблеме русского пресимволизма) // *Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения* / Отв. ред. Маризетта Чудакова. Рига: Зинатне, 1988, с. 144-158; с. 145-146. (Дигитализированная версия книги: http://imwerden.de/pdf/tynyanovsky_sbornik_03_tretji_chteniya_1988_text.pdf. 31.07.2016).

некоей грандиозной катастрофы»⁴. В его идейной основе, на наш взгляд, лежит сомнение в высшей справедливости мироустройства. Это не только и не столько факт конечности жизни, осмысление которого приводит к чувству экзистенциального трагизма (что могло бы быть истолковано сугубо эгоистическими мотивами), но и попытка постичь «то, чего нет на свете» (З. Гиппиус), т.е. переживание бытийного, онтологического трагизма.

Поэтому нам представляется, что рассматривая рецепцию предсимволизма, раннего символизма, декаданса как процесса, необходимо обратиться к анализу освоения «китайским миром» творчества нескольких писателей. Для наибольшей показательности мы берем творчество трех писателей – Гаршина, Мережковского, Сологуба⁵ и рассматриваем основные этапы рецепции. Именно примеры обращения к творчеству этих писателей (публикации переводов, исследования) кажутся нам очень показательными. Это позволяет освободиться от многих стереотипов понимания межкультурной рецепции и увидеть сам процесс развития культуры не только в его социально-детерминированных, но и имманентных закономерностях. Именно творчество этих трех писателей знаменует переход от реалистического к модернистскому художественному мышлению. Переводы и исследования их творчества в «китайском мире», а точнее, в его «серединной зоне», за период более чем 100 лет являются, на наш взгляд, достаточно репрезентативным материалом. Еще одна причина, побудившая к такому способу анализа: ограниченно-обозримое число переводов и работ. Таким образом, представленный в данной статье материал по рецепции Мережковского – только часть нашего основного исследования.

Предваряя изложение фактического материала, необходимо остановиться на следующих вопросах. Хотя тема «Мережковский в китайском мире» сама по себе интересная, она содержит в себе еще один крайне важный аспект. «Китайский мир» – это не единое пространство. Более того, в XX в. фрагментация и дифференциация затронули и его «центр». При многовековой исторической общности «за китайской стеной» ввиду исторических причин за последние полтора столетия (захват и отчуждение колоний, революция 1911 г. и Гражданская война 1948–1949 гг.) возникли территории, где политико-экономические основы и культурные ориентиры общества совершенно иные. Процесс дифференциации между материковым Китаем и Тайванем зашел очень далеко.

В рецепции творчества Мережковского в серединном пространстве «китайского мира» нам видятся три этапа. *Первый* этап парадоксально может быть обозначен как «японский период»: приблизительно с 1900 г. до революции 1911 г.⁶, хотя некоторые значимые явления отмечаются и позднее.

Есть веские основания считать, что в эти годы восприятие русской литературы, в т.ч. творчества Мережковского, представителями нового поколения зарождающейся китайской интеллигенции шло через Японию⁷. С 1868 г., с началом эпохи реформ Мейджи, в Японии начался «в конечном счете успешный процесс трансформации при помощи западной технологии и усвоения западной мысли. С 1880-х гг. это включало переводы с русской литературы. <...> В рамках первого десятилетия XX в. китайское образованное общество <...> делало свои первые

⁴ Пайман, Аврил. История русского символизма / Авторизованный пер. с англ. Валерий Исакович. Москва: Республика, 2000, с. 10.

⁵ Известное нам монографическое исследование о рецепции русского модернизма в Китае (включая Тайвань) (Gamsa, Mark. *The Chinese Translation of Russian Literature: Three Studies*. Leiden – Boston: Brill, 2008) посвящено Леониду Андрееву, Михаилу Арцыбашеву и Борису Савинкову, причем автор рассматривает указанных авторов именно как модернистов (с. 25 и др.).

⁶ Согласно британскому историку рецепции русской литературы в Китае Марку Гамза, первый период этой рецепции длится до поздних 1910-х гг. (“The initial stage of Chinese acquaintance with Russian literature lasted to the late 1910s”): Gamsa, Mark. *The Chinese Translation of Russian Literature: Three Studies*, p. 17.

⁷ В конце XIX в. японское правительство организует образовательные учреждения для иностранцев, в т.ч. для иммигрантов из Китая. «Самое крупное из них, Кобун Гакуин [Академия широкого обучения], в 1900-е гг. дала широкопрофильное образование по западным программам более чем семи тысячам китайцев, среди них Лу Син, который стал первостепенным писателем, и Чэнь Дусю, сооснователь Китайской коммунистической партии. Только в 1905 г. в Японии было восемь тысяч китайских студентов, и некоторые из них учились в лучших из недавно основанных японских университетах» (Westad, Odd Arne. *Restless Empire: China and the West since 1750*. New York: Basic Books, 2012, p. 106).

шаги к открытию западной литературы. Устойчиво растущее число китайских студентов уезжало в Японию, стремясь к „западной учености”, надеясь на посредничество японского языка, который они считали относительно легким для усваивания. Вскоре последовали переводы через японский; Лу Синь, студент в Японии с 1902 по 1909 г., был одним из ранних практиков этого подхода⁸. Современный японский исследователь Т. Киносита отмечает, что в 1900-е гг. на японский язык была переведена книга Мережковского «Лев Толстой и Достоевский»⁹.

Особая культуртрегерская роль Японии в этом регионе связана и с ее тогдашними имперскими амбициями. В Японии тенденции культурной глобализации проявились значительно раньше, чем в соседних азиатских странах. Своеобразное имперское отношение проявилось и в том, что на Тайване с 1895 по 1945 гг. (когда остров был колонией Японии) японский язык насаждался как основной литературный. При этом литературная жизнь на Тайване шла достаточно активно. Таким образом, тайваньские литераторы могли познакомиться с Мережковским через эти японские переводы.

Первые переводы на китайский язык художественных произведений Мережковского также увидели свет в Японии. Один из первых таких переводов был сделан Yonekawa Masao (米川正夫), который перевел роман «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (《神靈の復活：レオナルド・ダ・ヴィンチ》). Отдельным изданием книга вышла позднее (Токио, 1930 г.).

И также в Японии в 1900-е гг. началась работа таких значимых представителей художественной интеллигенции Китая, как братья Чжоу: старший, Чжоу Шужень (Zhou Shuren, 周树人) (известный во всем мире как Лу Синь (Lu Xun (魯迅)))¹⁰, Zhōu Zuòrén (Чжоу Цзожэнь, 周作人)¹¹ и Zhou Jianren (周建人)¹². Хотя они не переводили произведения Мережковского, важно, что благодаря им в китайском мире формируется представление о русской литературе – защитнице «униженных и оскорбленных», обращенной к изображению трагизма жизни рядового человека (при этом в своих ранних переводах молодые литераторы не разделяют трагизм социальный, экзистенциальный, бытийный). И в этом контексте отметим их интерес к Федору Сологубу и Леониду Андрееву. Интерес к социально-критической проблематике не выходил на первый план. Активное обращение к творчеству Горького пришло позднее, в 1920-е и 1930-е гг. Первые же сборники переводов и изложений произведений русских писателей выходят в Японии на китайском языке в 1910 г. В расширенном виде они выходят в свет уже после революции в Китае, в начале 1920-х гг. – в Шанхае¹³.

И это уже *второй* этап рецепции: годы между Первой и Второй Мировыми войнами. Во многом благодаря деятельности братьев Чжоу в материковом Китае и Тайване формируется своеобразный канон русской литературы.

Многие будущие представители китайской интеллигенции едут учиться в СССР. Но результаты этого нового знакомства с русской культурой неожиданны: предполагалось, что учащиеся едут перенимать опыт советского партийного строительства, а не модернистской литературы.

Так появляется еще один (уже второй!) перевод романа Мережковского о Леонардо. Его автор – Zheng Chao-lin (鄭超麟), писавший под псевдонимом Qi Wen (綺紋). В 1923-1924 гг. он

⁸ Gamsa, Mark. The Chinese Translation of Russian Literature: Three Studies, p. 17.

⁹ Книга была опубликована отдельными статьями (перевод с англ., 1906–1909 гг.), а затем издана отдельной книгой (пер. с нем., 1914 г.). – Киносита, Тоефуса. Антропология и поэтика творчества Ф.М. Достоевского. Санкт-Петербург: Серебряный век, 2005, с. 173.

¹⁰ Denton, Kirk A. Lu Xun Biography // Ohio State University: MCLC Resource Center Publication (Copyright 2002). Эл. ресурс: <http://u.osu.edu/mclc/online-series/lu-xun/>. 05.08.2016.

¹¹ Там же.

¹² Младший брат, если и не начал самостоятельную интеллектуальную жизнь, то по крайней мере учился в Японии. См.: Schneider, Laurence. Biology and Revolution in Twentieth-Century China. Rowman & Littlefield Publishers Inc.: Lanham – Boulder – New York – Toronto – Oxford, 2003, p. 44.

¹³ Zhang, Zhong-liang (張中良). Переводная литература периода Движения 4 мая (五四時期的翻譯文學). Тайбэй: Showwe Information Co., Ltd., 2005, с. 293.

учился в Москве, однако выбор для перевода писателя, известного своим антисоветизмом, кажется очень неожиданным. Видимо, у переводчика были на то личные причины, связанные с пребыванием в СССР. В работе он опирался на немецкий перевод. Роман «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (《諸神復活：雷翁那圖·達·芬奇傳》) вышел в Шанхае в 1935 г. и вскоре был переиздан (1941 и 1945 гг.). О других публикациях этого перевода речь пойдет ниже.

В целом второй этап рецепции русской литературы характеризует рост интереса к социально-критическим и революционным темам. Это общая тенденция того времени заметна в творчестве китайских писателей-переводчиков, работавших и в материковом Китае, и в Гонконге, и на Тайване. В этом контексте единичные переводы Мережковского, так же как рассказов и стихотворений Ф. Сологуба, показывают осознанное несогласие некоторых представителей творческой интеллигенции с этой магистральной тенденцией.

Третий этап: после Гражданской войны 1949 г., разделившей КНР и Тайвань. Этот период особенно сложный. В КНР, где к власти пришли коммунисты, ввиду совершенно понятных причин публикаций переводов Мережковского и работ о нем до конца 1980-х гг. не было.

На Тайване (официальное название: Китайская Республика) годы после Гражданской войны – тоже годы культурного кризиса. Пришедшие к власти представители националистической партии Гоминьдан отказались от японского языка как литературного, что стало трагедией для многих писателей. Кроме того, в стране очень долгое время сохранялось военное положение и существовал негласный запрет на публикации произведений не только советских писателей, но и всех представителей русской литературы XX в., независимо от их политических взглядов. В этом нами видится реакция на деятельность местных, тайваньских левых журналов в 1930-е гг., способствовавших распространению мнения, что русская литература – призыв к коммунизму¹⁴. Очень примечательно то, что происходит с отменой военного положения и началом демократизации. Новое издание уже упомянутого выше перевода «Леонардо» (в переводе Qi Wen'a) выходит на Тайване, в Тайбэе, в 1964 г. (переиздан в 1982 г.). Примечательно, что сам переводчик, находясь в КНР, просидел в тюрьме 27 лет (1952–1979).

В этом – своеобразие и противоречивость демократизации культурной жизни на Тайване: новое знакомство с русскими писателями рубежа XIX–XX вв. и советского периода происходило, ввиду активной пропаганды антикоммунистической идеологии, через призму клише, распространенных в западных, в первую очередь, американских СМИ. Даже сейчас очень большой интерес на Тайване вызывают творчество тех писателей XX в., чьи имена в разные годы «засветились» в западных масс-медиа. В ряд наиболее известных на Тайване имен входят имена Солженицына, Бунина, Бродского, Шолохова. Стоит отметить, что даже творчество Ахматовой стало достаточно широко известным только после Нобелевской премии Бродского. А перевод «Заявления при отъезде с Тайваня» Солженицына входит в школьные учебники. Это касается не только русских писателей: например, творчество Т.С. Элиота также служило своеобразным ориентиром для творческой интеллигенции Тайваня, даже для тех литераторов, кто никогда не обращался к лирике.

В КНР тоже своеобразная ситуация. С конца 1980-х гг. официально объявленная либерализация общественной жизни открыла возможности перевода и исследования творчества русских писателей. Именно переводчики из КНР выпустили, начиная с 1990-х гг., наиболее известные художественные и публицистические произведения Мережковского. Стоит отметить, что сейчас переводят в основном с русского оригинала.

Уже отмеченный перевод (Qi Wen) выходит в КНР в 1988 г. (переиздан в 2007 г.). Появляется сразу два новых перевода романов трилогии «Христос и Антихрист». В Шэньяне в 1997 г. выходит роман «Смерть богов. Юлиан Отступник» (《諸神死了：背教者尤利安》) в переводе Xie Han-ru (謝翰如) (издательство «辽宁教育出版社»). На Тайване переиздан в 1998 г.

¹⁴ Hsu, Chun-Ya (許俊雅) On the Reproduction of Chinese Literary Works by „The Flood” and „Equator” with a Discussion on „The Creative Society” in the Literary Realm of Taiwan under Japanese Rule (《洪水報》、《赤道》對中國文學作品的轉載——兼論創造社在日治台灣文壇) // Journal of Taiwan Literary Studies (台灣文學研究學報), 2012, № 4, p. 170-171.

под названием 《諸神之死：背教者尤利安》(издательство «台灣商務»). В первом варианте обратный перевод показывает явную неточность переводчика: «Боги умерли». В китайском языке конструкция 《諸神死了》 обозначает окончательное состояние. В тайваньском издании это исправлено: 《諸神之死》 передает абстрактное значение и возможность последующего «воскресения».

Diao Shao-hua (刁紹華) и Zhao Jing-nan (趙靜男) осуществили перевод всей трилогии «Христос и Антихрист». Первоначально в названиях их переводов был исключен мотив «воскресающих богов». В 1997 г. в Харбине опубликован роман «Петр и Алексей» (彼得和阿列克塞), а «Смерть богов. Юлиан Отступник» (叛教者羅馬大帝尤里安) и «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (藝術大帝達芬奇) опубликованы в 1998 г. (издательство «黑龍江人民出版社»). В 2002 г. также в Харбине эта трилогия была переиздана, но названия изменены и дополнены в соответствии с тайваньским изданием перевода Xie Nan-ru (謝翰如) 1998 г. (издательство «黑龍江人民出版社»). Таким образом, последний вариант переводов заглавий соответствует замыслу Мережковского: «Смерть богов. Юлиан Отступник» (諸神之死：叛教者尤里安), «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (諸神的復活：列奧納多·達芬奇) и «Антихрист. Петр и Алексей» (反基督：彼得和阿列克塞).

В 2000 г. в Шэньяне опубликован «Данте» (但丁傳) в переводе этих же авторов (издательство «遼寧教育出版社»). В 1999 г. в Шанхае опубликованы «Вечные спутники» (永恆的旅伴：梅列日科夫斯基文選) в переводе Fu Shi-Qiu (傅石球). В сборник включены следующие статьи: «Акрополь» (衛城), «Трагедия целомудрия и сладострастия» (貞潔和性欲的悲劇), «Марк Аврелий» (馬可·奧勒留), «Плиний младший» (小普林尼), «Кальдерон» (卡爾德隆), «Сервантес» (塞萬提斯), «Гете» (歌德), «Монтень» (蒙田), «Достоевский» (陀思妥耶夫斯基) (издательство «學林出版社»).

Zhao Gui-lian (趙桂蓮, профессор факультета русского языка и литературы Пекинского университета) перевела ряд статей, которые включены в сборник под названием «Пророк» (先知), опубликованный в Пекине в 2000 г. В него включены такие статьи, как «Пророк русской революции» (俄國革命的先知), «Асфодели и ромашки» (阿福花和洋甘菊), «Цветы мещанства» (市儈之花), «Красная шапочка» (小紅帽), «Грядущий хам» (未來的無賴), «Лев Толстой и церковь» (列夫·托爾斯泰與教會), «Лев Толстой и революция» (列夫·托爾斯泰與革命), «Бес или Бог?» (魔鬼還是上帝?), «Христианские анархисты» (基督教無政府主義者), «Пушкин» (普希金), «Тургенев» (屠格涅夫), «Чехов и Горький» (契訶夫與高爾基) (издательство «東方出版社»).

Среди переводов особенно примечательны «Грядущий хам» (《未來的無賴》), «Лев Толстой и церковь» (《列夫·托爾斯泰與教會》) тем, что дают возможность увидеть, что православие занимало в русской культуре далеко не бесспорно определяющую позицию.

Исследователи из КНР:

Liu Kun (劉錕) – автор ряда публикаций, вышедших в КНР и на Тайване в последние 15 лет. Работы посвящены как религиозным идеям писателя, так и художественным особенностям его произведений. Однако среди работ этого исследователя заметно преобладание таких, которые дают достаточно общую информацию о творчестве Мережковского.

Wu Xiao-Xia (武曉霞), в отличие от большинства других авторов из КНР, обращает особое внимание на смысловую структуру художественных произведений писателя, в частности, на конструкцию символов. Это внимание к деталям образного строя произведений писателя представляется очень ценным.

Среди авторов работ, посвященных традиционной литературоведческой тематике, следует назвать Wang Li-ye (王立業)¹⁵, Geng Hai-ying (耿海英), Zhang Bing (張冰), Zhao Gui-lian (趙桂蓮). Это работы традиционной филологической тематики.

Отдельно стоит работа исследователя православной теологии и русской философии Zhang Bai-chun (張百春) «Краткий обзор теологических идей Д.С. Мережковского» (《梅列日科夫斯基的神學思想概述》). Само появление этой работы примечательно и заслуживает более подробного изучения. Дело в том, что работы подобной направленности в КНР часто дают не вполне адекватное представление о влиянии православия на культурную жизнь России.

Вышеупомянутые работы – это научные монографии, диссертационные работы и статьи в специализированных научных журналах и сборниках. На данном этапе нас интересовал сам по себе значимый факт обращения к отдельным аспектам творчества Мережковского. Более подробное рассмотрение предполагается в дальнейшем процессе нашей работы.

В новых условиях официально объявленной либерализации общественной жизни КНР переводчики и исследователи спешат познакомить читателей с еще неизвестными художественными мирами, при этом занимают своеобразную позицию «академического» дистанцирования, избегая, таким образом, возможного конфликта с официальной идеологией и «острых» тем. И в целом, пожалуй, это удастся. Основное количество переводов и исследований последних десятилетий увидело свет в материковом Китае. Примечательно, что в 2014 г. в Шанхае издательством «华东师范大学出版社» был опубликован перевод книги Bernice Rosenthal¹⁶.

Среди исследователей с Тайваня следует назвать:

Ou Yin-shi (歐茵西), профессора NCCU, автора книги по истории русской литературы (Тайбэй, 1993, 2007). Отметим особый характер этой работы. Это научная монография, которая имеет черты учебного пособия, поскольку в основе ее лежит курс лекций.

Liu Jin-chang (劉錦昌, христианский священнослужитель, директор Института Библии, автор статьи 2002 г.

Предварительные выводы.

Рецепция художественного творчества имеет разную природу в разных культурно-цивилизационных регионах. Характерные для западного мира стадильность¹⁷ и цикличность литературного процесса (художественных методов, течений, направлений) не находят полного соответствия в китайской литературной традиции, где присутствует культ совершенного «образца», и задача ученика – его повторить.¹⁸ В «китайском мире» сами основы художественной культуры принципиально иные. В европейско-американской литературоведческой традиции понимание своеобразия достижений Мережковского, как и других русских писателей, его современников, шло в русле понимания глубинной общности литературно-художественных традиций. Отсюда, несмотря на идеологические препоны, прослеживается некая общая основа

¹⁵ Wang Li-ye (王立業). И.С. Тургенев в литературной критике Д.С. Мережковского (梅列日科夫斯基文學批評中的屠格涅夫) // Foreign Literature (外國文學), № 6, 2009, p. 62-68.

¹⁶ 梅列日科夫斯基与白银时代：一种革命思想的发展过程：Dmitry Sergeevich Merezhkovsky and the Silver Age: The Development of a Revolutionary Mentality, (美)罗森塔尔(Bernice G. Rosenthal)著 杨德友译
出版地：上海 出版社：华东师范大学出版社 出版日期, 2014.

¹⁷ Пospelов, Геннадий. Стадийное развитие европейских литератур. Москва: Художественная литература, 1988, с. 27-28.

¹⁸ «Обратим внимание на два высказанных здесь серьезнейших для историка китайской культуры положения. Первое из них – подтвержденная фактами действительности убежденность в отсутствии крушения, а значит, и потребности к возрождению китайской культуры и – как следствие – необходимость для историка задуматься над иными путями прогресса, чем в западноевропейских странах» (Эйдлин, Лев. История китайской литературы в трудах академика В.М. Алексеева [1978] // Алексеев, Василий. Труды по китайской литературе: в 2-х книгах / Сост. Марианна Баньковская, отв. ред. Борис Рифтин. Кн. 1. Москва: Восточная литература, 2002, с. 7-38, с. 10). Более конкретно о том же, но в связи с «принципом построения возможной истории китайской литературы», и на основании ряда цитат из работ Алексеева: там же, с. 35.

целостной интерпретации как идейного своеобразия, так и еще более – интерпретации авторских художественных систем.

Восприятие творчества Мережковского в «ядерной» части «китайского мира» имело фрагментарный и в жанровом, и в тематическом плане характер. Нам представляется, что причины этого для материкового Китая и для Тайваня разные.

В КНР это объясняется идеологическим давлением правящей коммунистической партии в течение многих десятилетий. Тем не менее, уже в последние десятилетия XX в. в материковом Китае в новых условиях официально декларируемой демократизации литераторы, с одной стороны – спешат познакомить китайских читателей с ещё неизвестными произведениями русских писателей, с другой – занимают своеобразную позицию «академического» дистанцирования.

Для Тайваня случайность отбора произведений русских писателей для публикаций и исследований усугубилась годами колониального владычества Японии (1895–1945), когда японский язык доминировал в литературной жизни. С одной стороны, это давало возможность познакомиться с произведениями, уже вышедшими в Японии, с другой – приводило к неизбежному состоянию культурной изоляции. Последовавший после 1949 г. переход на китайский язык был драматичным для тайваньских писателей и переводчиков 1920–1930-х гг. А своеобразие и противоречивость последующей демократизации всей культурной жизни Тайваня проявились, в частности, в том, что новое знакомство с русскими писателями конца XIX в. и советского периода проходило через призму клише, распространенных в американских масс-медиа 1950-х–1960-х гг. К сожалению, это ощущается и по сей день.

Рецепция творчества Мережковского отражает как общественно-политические перемены в самом «китайском мире» за последние сто с лишним лет, так и глубинные различия традиций художественной литературы.

Alexei Volegov, **The oeuvre of D.S. Merezhkovsky in the Sinic World: embarking on the topic**

This article offers a preparatory exploration of reception problems of the “transitional” and controversial literary period that precedes the “Silver Age” of Russian literature. We focus on the reception in the core of the so called Sinic World / Sinosphere. The translations and interpretations of works by D.S. Merezhkovsky listed and sketched here could be highly representative for a prospective delineation of basic features of reception process in specific cultural zones of the globe free of clichés. The paper could serve as a starting point for surveying the key ideas and, subsequently, the means of representation used by translators and analyzed by researchers during more than a century.

Key words: Russian literature, Presymbolism, Symbolism, reception, “Sinic World”.